

черты, первопричиной же мира является Бог. Разработал учение об эманации (от лат. emanation – истечение), в котором представлял Бога в виде света, истекающего в мир. Свет входит в мир через ряд последовательных космических ступеней, озаряет его и дает возможность человеческому разуму познавать и мир, и Бога. Необходимым введением ко всякому интеллектуальному труду считал логику, потому что она соотносится с логичностью божественной деятельности, проявляющейся в причинной обусловленности природы.

Видным представителем теологического философствования с элементами мистицизма был аль-Газали, иранец по происхождению. Получил образование в Багдаде, где затем стал руководителем теологической академии. Признавая необходимость математики и естественных наук в практической жизни, аль-Газали в то же время защищал чистоту религиозной сферы от воздействия на нее научно-рационального мышления. И в этом смысле он подверг критике Ибн-Сину и аль-Фараби, полагая, что они заблуждались, преувеличивая роль естественных наук и тем самым ставя под сомнение некоторые догматы мусульманства. Тем самым он заложил основы своеобразного символа веры в мусульманских странах Ближнего Востока и вывел теологию из-под влияния философии.

Литература

1. Шадманов, К. Б. Место восточной школы переводчиков в развитии Ренессанса Запада / К. Б. Шадманов // Вестник Российского философского общества. 2015. № 3. С. 43–46.

Уваров Л.В., Лойко А.И. Метафоры евроазиатской мудрости

Напомним лишь некоторые глубочайшие и красивейшие метафоры в безбрежном море евроазиатской символики. В Евангелии слово Божие – это семя нетленное, живое и пребывающее в веке. Николай Кузанский сравнивает бесконечность божества с шарообразной сферой, у которой центр повсюду, а поверхность – нигде.

Ф. Достоевский страстно желает устранения страданий и комизма человеческих противоречий, порожденных «малосильным и маленьким, как атом, эвклидовским человеческим умом». А. Лосев, развивая идеи Платона, уподобляет материю застывшему духу, а дух – расплавленной материи.

Е. Рерих, следуя традициям восточной культуры, использует мыслеобраз «духо-материя», «корня материи», подчеркивая, что нет материи вне духа, как и нет духа без материи. Заметим в этой связи, что К. Маркс был недалеко от истины, утверждая, что на духе с самого начала лежит проклятие «быть отягощенным материей». Но пока еще мы не встречали в марксистской философии второй части истины: на материи лежит благодать быть облегченной, просветленной духом. Слава Богу, что был и остается Будда, имя которого означает не только «просветленный», очищенный от пороков, но еще и «бодрствующий», то есть воспринимающий страдальческую жизнь человека как тяжелое сновидение, иллюзию, нереальность, от которых обязательно надо пробудиться.

Сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы различать знаки и символы. Греческое слово «*semeion*» означает «знак», «значок», «признак», «сигнал». Слово «*semaino*» означает «указываю», «обозначаю», «отмечаю», «даю знак», «объявляю», «приказываю». Оба слова физически полагают наличие самих знаков как семиотических актов. Отметим здесь, что дым – это признак костра, но не его символ. Распускающиеся почки на ветках деревьев означают приход весны, но не символизируют ее. Темные тучи – признак дождя, а не его символическое выражение. Пульс – показатель сердечной деятельности, а не ее символ. Тень – сигнал об объекте, а не его символ. Ключ указывает на замок, но не символизирует его.

Символ частично совпадает со знаком, как минимум соответствует объекту, замещает его. В этом смысле знак – это «свернутый» символ, а символ есть «развернутый» знак!

Если учитывать, что термин «символ» происходит от греческого слова «*symbolon*» (что значит «примета», «признак», «пароль», «знак»), то следует согласиться с А.Ф. Лосевым в том, что сопоставление «символа» как глагола и как существительного указывает на совпадение двух планов действительности. «Символ имеет значение не сам по себе, но как арена встречи известных

конструкций сознания с тем или другим возможным предметом этого сознания» [1. с.12].

Идеальный образ как приблизительно верное воспроизведение действительности в голове человека – это отражение. Знак является средством обозначения предметов и передачи о них информации. Символ – это выражение, воплощение или представление в наглядном образе каких-либо идей, чувств, эмоциональных состояний человека.

Чем же конкретно отличается символ от образа и знака? В чем его назначение? Некоторые девушки и женщины носят на шее украшение – цепочку с прикрепленными к ней изображениями сердца, якоря и крестика.

Здесь виден тройственный смысл символа как наглядного выражения того, чем больше всего дорожит человек: сердце с его влечениями – любовь; якорь – устойчивая, надежная, счастливая жизнь; крестик – вера в божественное начало мироустройства, в спасение от грехов. Такого рода символика широко применяется в нашем быту, общении, поведении.

В отличие от знаков, зачастую безразличных к природе обозначаемого, символы имеют определенную степень сходства, аналогичности с символизируемыми реальностями. Основное назначение символа – изобразить, наглядно видоизменить абстрактное, сделать его осязаемым.

Многие знают, что Фемида в мифах древних греков – это богиня правосудия, законного порядка и предсказаний. Она изображалась с повязкой на глазах («беспристрастие»), весами в левой руке («взвешивание всех доводов за и против подсудимого»), мечом – в правой («возмездие, неизбежность наказания»). Так происходит изображение главных смысловых элементов правосудия.

Наши душевные состояния – влечения, желания, эмоции, чувства, как и духовные образования, то есть весь внутренне-личностный мир невозможно непосредственно физически или геометрически измерить, взвесить, начертить на бумаге, увидеть с помощью приборов. Язык научных терминов бессилен. Слова обычного языка могут обозначать душевные и духовные состояния, но схематически, с потерей многокрасочности и уникальности (неповторимости) внутреннего мира.

Не помогут здесь и категории (предельно абстрактные понятия) умозрительного философствования. А что же остается? Чем постигается небесная глубина нашей духовной жизни.

Даже познание самого себя, а не только понимание другого человека в отмеченных характеристиках, - это не прямое «дублирование» моего или чужого субъективно-идеального мира, а их символические преобразования.

Недаром, выражая свое тяжелое душевное состояние, можно сказать: «У меня на душе камень», или: «На сердце кошки скребут», либо: «Я как загнанная лошадь». Выделенные слова образуют метафоры, то есть образцы наглядного сходства, уподобления с моими беспокойствами, мучениями, трудной жизнью.

В общении с другими, и в стремлении проникнуть в их внутренний мир, мы преобразуем чужие переживания (являющиеся для нас «потемками», отвлеченными реальностями) в конкретную наглядность, яркость и самоочевидность собственных впечатлений.

Европейская, российская, восточная духовные традиции на уровне языка символических метафор тождественны общим ценностям, поскольку они сконцентрированы на человеке, его внутреннем мире. Различия проявляются в сферах близких меркантильным интересам.

Литература

1. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М., 1976.

Жоголь Н.Н. Проблема духовно-нравственного становления в философии Авиценны

Выдающийся учёный-энциклопедист средневекового Востока Абу Али ибн Сина (Авиценна) воплощает своим творчеством расцвет культуры, который именуют веком гуманизма, ирано-среднеазиатским Возрождением. Особую роль в формировании его мировоззрения сыграло изучение медицины, практическое овладение которой позволило ему стать искуснейшим врачом своей эпохи, завоевав себе прижизненную славу во всем ближневосточном мире. Идя от теоретических основ медицины к более широким принципам естествознания, Авиценна плодотворно